

Валерий Киселёв

Чёрная бабочка на красном колесе

Разные судьбы — разная правда

Валерий Павлович Киселев
Чёрная бабочка
на красном колесе. Разные
судьбы – разная правда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40942996

ISBN 9785449635235

Аннотация

О встречах с писателем Василием Беловым, полковником Квачковым, генералом Солуяновым, предпринимателем Германом Стерлиговым и другими людьми с уникальными судьбами.

Содержание

Разные судьбы – разная правда	5
ЧАЙ В ТИМОНИХЕ	5
ПОДНЯЛИ БУРЮ И ПОГИБЛИ В НЕЙ	12
«Слышен звон кандалный»	12
«Дворянское гнездо»	13
В 12 часов ночи в дверь тихо постучали	16
Путешествие в Бутырку. Ожидание	17
Возвращение. Месть и смерть	19
Второй оборот красного колеса	20
ВАСИЛИЙ БЕЛОВ: «НЕ МОГУ СМОТРЕТЬ	21
НА НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ»	
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Чёрная бабочка
на красном колесе
Разные судьбы –
разная правда**

Валерий Киселёв

© Валерий Киселёв, 2019

ISBN 978-5-4496-3523-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Разные судьбы – разная правда

ЧАЙ В ТИМОНИХЕ

Хотя и считаю себя давно уже нижегородцем, но деревня, откуда весь наш корень, – в Вологодской области. И всего через лес от нас, каких – то четырнадцать километров – Тимониха, родина писателя Василия Ивановича Белова. В наших местах хорошо его знают как писателя, а дед мой, покойный, «Лад» ставил на первое место (правда, после «Анны Карениной») и все удивлялся, откуда это Белов все так хорошо знает про «прежнюю» жизнь.

Из Азлы, волости, где Тимониха, родом моя прабабушка, там же перед войной работал дядя учителем истории. Но все равно просто так не осмелиться бы сходить в Тимониху, если бы не наказ белорусского писателя И. Чигринова, с которым до этого встречались в Минске, передать привет Василию Ивановичу – они с ним «сябры».

И вот ранним августовским утром трогаюсь в путь. Прошел до большого леса несколько знакомых деревень, начался осинник, березняк. Дорога сухая, когда – то, очень давно, оживленная, сейчас же – вся заросла травой, кустами. Земляники под ногами – не ленись нагибайся! Но то и дело по-

перек дороги – старые упавшие деревья. Не проехать не то что на тракторе, но и на лошади. Мне казалось, иду вьетнамскими джунглями – такая это была дорога, а когда – то – старинный новгородский волок. И ни звука – тишина абсолютная, ни разу даже пичужка не свистнула. Только где – то над большой поляной одиноко кружил ястреб.

Час с небольшим шел я этим лесом, вдыхая воздух, который, может быть, настаивался месяцами, – хвойный, земляничный, грибной.

По сторонам лес черно – зеленый. Прошел деревню домов из пяти. Дома черные, столетние, по окна заросли травой, крапивой. Мертвая деревня.

Когда встретил трех женщин с бидончиками малины, понял, что начинается куст деревень, здесь и должна быть Тимониха. И с пригорка открылось их пять или шесть. На таком просторе, на холмах, что и посидеть захотелось. Огляделся, сошел с дороги, сел на камень, перекусил рыбником с малосольным огурцом.

Дальше местность пошла такая, что невольно вспомнилось:

*«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
неведомый сын одиноких и гордых племен...»*

Только здесь и могли появиться эти строчки...

Еще две – три деревни, ничем не отличающиеся от тех,

что в нашей местности. Пытался угадать, какая же из них Тимониха, да две девушки, спускавшиеся с холма, показали. И сердце что – то затрепетало...

Опять присел, сойдя с большака – Тимониха была метрах в двухстах левее. Разбитая колея уходила в деревню – всего несколько домов в один порядок.

Прошли парень с девушкой, потом мужчина.

– Скажите, какой дом Беловых?

Показал. Надо вставать, коли пришел, а сомнения совсем одолели: «Ну а что я скажу, зачем пришел?.. Передать привет да поглазеть!.. Так, наверное, и без меня ходоки надоели... Вопросы какие – нибудь задавать? Глупо...»

Нет хуже приходить незванным гостем! Да еще понимая, что не готов к серьезному разговору, и нужен ли будет этот разговор.

День был теплый, хороший, и на травке лежать можно было долго, но надо вставать, коли пришел.

С правой стороны улицы за полуразвалившимся передком стоял не дом – терем. На двери висел замок, и это меня почему – то даже обрадовало. Оглядел дом – действительно, в таком вполне можно в «автономное плавание». Новая крыша, деревянная, резные окна – красиво, ничего не скажешь. Очень русский дом. За домом, в огороде – рябины, черемухи, в глубине – старенькая банька. И тишина, безлюдье, словно хожу по музею под открытым небом.

Сел на лавочку – наверное, на ней и сидели Александр

Яшин, Федор Абрамов, Рубцов, Распутин, Глеб Горышин... Что – то не по себе вдруг стало – невольно Василий Макарович Шукшин привиделся на фоне поленицы. И было такое ощущение, что вот скоро они все придут сюда с озера.

Прошел по улице, вверх – никого, только за домами в поле несколько мужиков да баб управляли сено. Стояло несколько стогов – косить было еще да косить! – а ведь уж август начинался.

Из дома напротив вышел мужчина с ведром.

– А что, не знаете, Василий Иванович не приехал еще?

– В Иркутске он. А матери разве нет дома? В Лобаниху вроде собиралась, а вообще – то должна быть дома.

За несколько дней до этого я звонил в Тимонику: Анфиса Ивановна сказала, что Василий Иванович обещал на днях приехать.

Времени у меня оставалось в обрез, часа через три надо было пускаться в обратный путь, но вставать с лавочки не хотелось.

Все же прошел пару раз по деревне – ни души, только виделись тени Абрамова, Яшина, Шукшина.

Снова присел – от бани идет старушка. Не стоило спрашивать, ясно было – мать Белова: большой, особенный лоб, глаза – как у Василия Ивановича. Но все же спросил. Скванность прошла быстро, да мне как – то и легче стало, что не увижу в этот раз хозяина.

Анфиса Ивановна вернулась из леса, набрала бидончик

черники. Устала, видно – сапоги скинула, так и сидели на лавочке с полчаса. Поудивлялся, что она в таких годах ходит одна в лес. Показал ей фотографии, где Василий Иванович с Шукшиным здесь, в Тимонихе.

– Ой, Шукшин!.. Здесь они и сидели тогда, только поленица была у дома, это сейчас напротив... Но что же мы – то сидим, пойдем в избу!..

От чая я отказываться не стал, самовар скоро был на столе. Говорить с Анфисой Ивановной было легко с самого начала. Думаю, не сравнить с тем, если бы я говорил с матерью любого городского писателя. Сначала и разговор шел о писателях, что здесь бывали. Мне все было удивительно, что сидели они за этим столом.

– Коля Рубцов здесь и сидел, где ты, а писал – в той половине.

Хотя я и знал описание дома по рассказам Яшина и Горышина, но все равно удивлялся, что полы – широченные некрашенные плахи, стены без обоев («Зато как солнышко, словно янтарные», – сказала Анфиса Ивановна). Шкаф для посуды такой же, как у нас дома, – старинный.

Пришлось выпить три чашки – такая легкая вода с Сохты, да и Анфиса Ивановна подливала. На деревенские темы разговор перешел сам собой. Говорила она интересно, сочно как – то, а память – удивительная.

Что греха таить – хотелось посмотреть вторую половину дома, где живет Василий Иванович!

В углу старинный сундук, на стене портрет дочери, на оленьих «углах» – гармонь и ружье.

– Играет Василий Иванович?

– А ты разве не слыхал?

– Нет, где же было... И охотится?

– Нет, он не охотится, так висит ружье. Это Яшин ружье подарил.

– Наверное, надоели вам гости? Такие, как я?..

– Всякие ездят. Бывает, на «Волгах» – только дом сфотографируют, и назад. Не было дороги раньше – меньше ездили.

Стараюсь запомнить детали разговора, запомнить, что в избе стоит, благо и вещей почти никаких – печь вполовину, кровать да стол, лавки по окнам.

Фотографий нет в доме, а жаль – хотелось посмотреть.

– Да он как приедет, так сразу в фуфайку да сапоги. Что ты, говорю, как ходишь, неужто надеть нечего?..

Видно, мало осталось от меня деревенского, да и говор – давно нижегородский, поэтому чувствовал: что – то не очень – то верит Анфиса Ивановна, что я вологодский. Но все же, под самый конец, удалось мне ее «сразить». Уже уходя, заглянули в подвал, а там – чего только нет, музей настоящий. Поудивлялся тому, что все это хранится, безошибочно назвал несколько старинных крестьянских предметов.

– А кросна есть? – спрашиваю.

– Кросна? Есть.

Я их сразу не заметил, стояли они в углу. Наверное, слово это не каждому заезжему знакомо, поэтому, почувствовал, поверила Анфиса Ивановна окончательно, что я все же не гастролер, нахватавшийся из «Лада» вологодских словечек.

Два часа в бесхитростной в общем – то беседе пролетели незаметно, и, оглянувшись в последний раз на дом, пошел я знакомой дорогой в свое Кумзеро с легкой душой. А и ладно, что не задавал заумных вопросов, на которые в общем – то и не нужны ответы. Не понадобилось, к счастью, изображать из себя «разбирающегося в литературе» и в народной жизни.

Тимониха оказалась такой же простой, русской; вологодской, как мне и хотелось ее видеть, и самое главное – не разочаровался я в ее искренности, честности, а беседа с Анфисой Ивановной помогла лучше понять и истоки творчества, и позицию писателя Василия Белова.

Переночевал я, немного не дойдя до своей деревни, по – некрасовски. Уж больно соблазнительно было полежать на свежем сене в ночной тишине! Через несколько дней кончался отпуск, предстояло возвращение в задымленный город, в шум машин, толпу, суету. А здесь – ляжет снег, прикроет эту красоту до следующего лета.

10.05.1989 г.

ПОДНЯЛИ БУРЮ И ПОГИБЛИ В НЕЙ

«Слышен звон кандалный»

В этой книге, сразу же после издания в 1930 году ставшей букинистической редкостью, одни биографии. Короткие, всего по 10—20 строчек. «Политическая каторга и ссылка» – так она называется. На 690 страницах – более 4 тысяч биографий людей, всю свою жизнь посвятивших борьбе за свержение русского самодержавия. И это только тех, кто не погиб на каторге или в гражданскую войну. За каждой биографией – кандалный звон, скрежет дверей тюремных камер, вой сибирской выюги, выстрелы и взрывы боевиков.

Прочсть только эту книгу – и будет достаточно, чтобы понять, какую же колоссальную работу пришлось проделать им всем вместе и сколько усилий на борьбу с революционерами потратили царские жандармы, полиция и суды. Вся история русских революций начала XX века в этом биографическом сборнике...

ЛЮБИМОВ Николай Михайлович: русский, сын священника. Род. в 1892 г. в Пензенской губ., образов, неоконченная духовная семинария. В 1907 г. вел пропаганду среди крестьян и солдат и состоял членом комитета – ученической ор-

ганизации в Пензе. Арестован и приговорен на поселение в Енисейскую губ. С 1916 г. проживал в Омске. Кандидат ВКП (б).

ОБРЯДЧИКОВ Яков Павлович: русский, сын приказчика, слесарь – механик, род. в 1887 г. в Нижнем Новгороде, окончил ремесл. уч – ще. В 1903 г. вступил в партию эсеров, работал в Н. Новгороде, на Сормовском заводе, руководя кружками, участвуя в забастовках, изготавливая паспорта, состоял членом комитета и боевой дружины. В 1908 г. был арестован на Сормовском заводе и осужден на поселение. На поселение вышел в 1911 г. в Иркутск, губ., а затем перевелся в Киренск, Ново – Николаевск. Чл. ВКП (б).

«Дворянское гнездо»

В 1917 году они победили, еще три года ушло на то, чтобы отстоять завоеванное. А потом началась жизнь, за которую и шли эти люди на каторгу.

В 1930 году на Б. Печерской, 30, в Нижнем Новгороде вырос новый дом. Поселились в нем бывшие политкаторжане и ссыльнопоселенцы с семьями. Дом был построен не на государственные средства, а на отчисления от их пенсий, скромных пенсий политкаторжан.

Двадцать шесть квартир в доме – двадцать шесть семей, хотя это были далеко не все политкаторжане – нижегородцы.

Когда они вселялись в новые квартиры, о которых и меч-

тать не могли в сибирской ссылке, каждому, наверное, его будущее представлялось только безоблачным и счастливым. И в страшном сне никому бы из этих людей не приснилось, что многим из них придется еще раз побывать на каторге, на этот раз – сталинской, советской.

За шесть десятилетий судьба разметала обитателей этого дома, и сейчас здесь из потомков политкаторжан живут только Обрядчиковы. Когда на доме открывалась мемориальная доска и произошла эта встреча.

Стелла Васильевна Яковлева – дочь одного из политкаторжан. В 30—е годы она жила в этом доме.

– Наш папа, Василий Семенович Яковлев, – рассказывает Стелла Васильевна, – родился в Выксе в семье рабочего в 1899 году. В 1907 году его арестовали за принадлежность к партии эсеров и хранение взрывчатых веществ. Каторгу отбывал в нижегородской и владимирской тюрьмах, на поселении жил в Иркутске. Бежал, был пойман. Снова каторга – в Нижне – Илимске и Усть – Куте. Осенью 1913 года бежал на Дальний Восток. И опять попал в руки жандармов.

После октября 1917—го В. Яковлев уже большевик. Вернулся в Нижний Новгород, работал сначала в облсовпрофе, первым заместителем председателя, потом управляющим Мясотрестом, председателем МОПРа в Нижнем. В то время ему приходилось часто встречать делегации иностранных коммунистов – англичан, французов, немцев, испанцев. Жили мечтой о мировой революции...

В этот дом, построенный для политкаторжан часто приходили Жданов, Каганович. Жданов и выбрал место для дома.

Альбом со старыми семейными фотографиями. Уникальный снимок: Каганович на отдыхе в Крыму в окружении политкаторжан. Рубаха нараспашку, в белой фуражке, с усами. На другом снимке – загорелые дети, это в санатории политкаторжан.

– Тридцать четвертый год, – читаю надпись на фотографии. – Самый голодный год.

– Мы не ощущали голода, – говорит Стелла Васильевна. – Нам сделали безоблачную жизнь в этом доме.

Дом этот в то время называли «дворянское гнездо». Как во времена Шаляпина и Горького их квартиры были центром культурной жизни города, так; и этот дом в 30—е.

– У нас часто выступали в «красном уголке» артисты оперного театра Галич, Дементьева, – рассказывает Стелла Васильевна, – чуть не ежедневно – Собольщиков – Самарин и его дочь, бывали артисты Большого театра Обухова, Барсов, Катульская, Тарасова, Кторов, Прудкин, Козин, Лидия Русланова, Гусяр – Северский. Приходили лучшие адвокаты города Калачевский, Высоцкий, Цветов, Золотницкая, Дрейзен, врачи Брусин, Федоров. Прямо во дворе выступали артисты ансамбля Красной Армии имени Александрова, хора имени Пятницкого. В доме все вместе отмечали праздники, дни рождения детей, а 23 марта – день снятия кандалов.

В 12 часов ночи в дверь тихо постучали

Но вот наступил 1937 год. По стране прокатилась волна ежовщины.

– Страшно вспомнить... – рассказывает Стелла Васильевна. – Папа работал тогда в президиуме областного суда. Настроение у него было очень плохое. Как – то он говорит: «Что бы ни случилось, куда бы вас ни вызывали – вы ничего не знаете».

Первым в этом доме арестовали Густава Винтера. За ним приехали, как тогда было принято, ночью.

– Сразу на шести «воронках», чтобы взять одного. Через месяц его расстреляли, – говорит Стелла Васильевна, – А в «воронках» вывезли книги из «красного уголка» и мебель.

Потом приехали за Кортом, Спругисом. Все тревожнее ночи в этом доме. Кто будет следующим?

– За папой приехали 14 февраля 1938-го, – рассказывает Стелла, Васильевна. – Он чувствовал, что за ним придут. Мы в тот вечер были на катке, он пришел, поймал меня: «Пойдем, дочка, домой, что – то с сердцем плохо». Дома поужинали, время – 11 часов. «Надо спать скорее», – говорит папа. «Куда ты торопишься?» – мама удивилась. А в 12 часов в дверь тихо постучали. Они, чекисты. Начали обыск, а книги, их у нас было десять тысяч томов, брали без разбора и –

в раскрытое настежь окно, в костер. Сестра ужасно кричит, папа плачет: «Как вам не стыдно!» Даже шубки наши бросили в костер. В квартире – разгром, всю посуду разбили, а когда протокол дали подписать, спрашивают: «Претензии есть?» Прибежала соседка, Крылова: «Колю взяли!» И у них тоже все перетрясли. А к папе в кабинет поселился этот следователь с женой, который у нас обыск делал.

– Как же он вам в глаза смотрел?

– Смотрел...

Потом в этот дом «черные воронки» приезжали еще не один раз. Из 26 квартир не взяли только в двух. Многим из них еще раз выпала «дальняя дорога», кому – то и в знакомые централы. Спустя 20—25 лет вернуться в ту же камеру... И если бы посадили царские жандармы, а то ведь свои. И за что?

Путешествие в Бутырку. Ожидание

Через месяц Яковлевы получили бумагу, что их муж и отец – в тюрьме. У следователя удалось узнать, что он в Москве.

Разыскивать отца в Москву поехала его дочь Стелла, шестнадцатилетняя девушка. Хорошо еще, что там жила ее тетя. Прокуратура, потом Бутырская тюрьма, длинная и извилистая очередь людей к окошку, чтобы узнать хоть что –нибудь о своих близких.

– Передачу приняли, но ответ был написан, мне показалось, не папиной рукой. Потом я узнала, что папу поставили в камере на колени за то, что я не поверила в его руку в записке.

В. Яковлеву еще относительно повезло: скоро его перевели в тюрьму в Горький.

– Каждый вечер мы бегали на Воробьевку смотреть, не отпускают ли кого – nibудь. Некоторых освобождали, спрашивали у них, как папа. Бегали в Гордеевку, где стояли эшелоны с заключенными, стараясь узнать, нет ли кого – nibудь из знакомых. Записки от них были написаны часто кровью. Если бы охрана поймала тогда, не посмотрели бы на возраст.

Так прошло больше двух лет. Дети политкаторжан, когда их отцов арестовали, тут же лишились всех льгот. Более того, на каждом появилось невидимое клеймо: сын врага народа, дочь врага народа.

– Но Боже упаси, чтобы в школе нас как – то травмировали из – за этого. Только не приняли в комсомол и поступать в институт было запрещено.

– А что же Жданов и Каганович, с которыми были так дружны семьи политкаторжан? Неужели не могли бы помочь?

– Они были в то время уже далеко, на высоких постах. Да и бесполезно было писать, – вздыхает Стелла Васильевна.

Возвращение. Месть и смерть

– Пошли мы в кино, как сейчас помню, «Истребители», и рядом оказались прокурор области и председатель военного трибунала, – рассказывает Стелла Васильевна, – они меня хорошо знали. На ухо мне шепчут: «Ждите отца. В подвале он, где четвертое окно». А потом, через какое – то время, прибегают соседка: «Евушка! – бросилась маме на шею, – Васенька твой вернулся!» Папа идет – еле – еле, сухой... После объятий моя сестра сразу в папин кабинет, где поселился тот следователь, и все его вещи – в окно, облила керосином и сожгла. Папа рассказывал, как его мучили, но за что – никогда. Дал подписку молчать и все унес с собой. Его отпустили, потому что не смогли доказать вину. В марте 1940 — го папу выпустили, побыл он в доме отдыха, но недолго. Без партбилета папа совершенно потерял голову, ему сообщили, что можно ехать его получать в Москву, на бюро ЦК, и надо же было такому случиться: в этот день папа трагически погиб у своего же дома, попав под трамвай.

– Не винил ли он Сталина в случившемся с ним?

– Помню, папа говорил, что в правительстве кто – то вредит, а все происходящее – настоящий геноцид. Он ничего не знал или не хотел говорить. Кажется, мы больше его знали и понимали.

Второй оборот красного колеса

Потом была война. С. Яковлева, окончив юридическую школу, попала под Сталинград. Тяжелое ранение. Она служила тогда в коллегии адвокатов. Но не обвиняла, а защищала. Спасала от расстрела людей.

– Двоих летчиков, железнодорожника и даже одного пчеловода, пока не была ранена, – говорит Стелла Васильевна.

А после госпиталя в ее жизни было 18 лет прожитых на Западной Украине, у самой границы. Муж служил начальником погранотряда, а она адвокатом в суде. Приходилось защищать и бандеровцев, на совести которых убитые дети, женщины. Врагов, убийц спасала от расстрела, помня всегда, как несправедливо обошлись с ее отцом. Четыре раза была ранена бандитами, хотя некоторым из них смягчала приговоры.

Вот и сейчас нет мира на нашей земле. Недоверие, злоба, зависть – все это как будто в наших генах. Появились новые люди, считающие себя «буревестниками», зовущие к «великим делам». И неужели когда –нибудь снова появятся подобные сборники биографий?

13.01.94 г.

ВАСИЛИЙ БЕЛОВ: «НЕ МОГУ СМОТРЕТЬ НА НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ»

Летом 1984 года сидел я на лавочке на привокзальной площади в Ярославле, ожидая поезда, читал повесть Василия Белова «Воспитание по доктору Споку» и не мог сдержать слез: сюжет удивительно повторял мою тогдашнюю семейную ситуацию. Потом прочитал его «Все впереди», когда знакомая учительница литературы заявила, что это будто бы первый антисемитский роман. Затем были книги В. Белова «Привычное дело», «Плотницкие рассказы», «Лад», «Кануны». С В. Беловым мы земляки: от моей деревеньки до его Тимонихи на Вологодчине напрямик всего километров пятнадцать. Но на встречи не везло. Один раз пришел – он уехал к В. Распутину в Иркутск, второй раз – заблудился на болоте, в третий, прошлым летом, тоже не добрался – машина перевернулась. Но вот судьба все же свела, в Нижнем Новгороде. Три дня Василий Иванович принимал участие в международном семинаре по проблемам пьянства, проходившем в Русской гимназии.

Объявили о встрече В. Белова с преподавателями ли-

тературы. Пришли всего трое. Но вопросов было много, и прежде всего о преподавании литературы в школе.

– Душа болит об образовании вообще, – сказал В. Белов. – Особенно в связи с последними изменениями в программах. Ущербные программы сейчас составляются. Лермонтова, например, начинают изучать со стихотворения, которое писал не он, а его враги. «Прощай, немытая Россия...». Фонд Сороса коснулся уже всей нашей культуры, а не только образования. Целые институты живут за счет Сороса и ведут его политику. Сорос решает, что нам читать, что не читать. Что делать – даже не знаю, мои силы слабые.

– *Василий Иванович, кто из современных русских писателей вам особенно близок?*

– Дорожу дружбой с Распутиным и его книгами. Из поэтов чту глубоко Рубцова, Передреева, Соколова. Люблю Юрия Кузнецова, хотя он особый человек, бескомпромиссный.

– *А в публицистике современной кого уважаете?*

– Здесь интересы меняются. Мне симпатичны «День», «Завтра», там целая плеяда думающих публицистов. Но вот в их евразийстве я разочаровался. Ценю Сергея Кара – Мурзу. С Прохановым хорошие отношения, но есть у него какая – то разухабистость. Проханов с восторгом говорил о Лебеде, а он оказался предателем.

– *Вас не беспокоит, что писатели России разделились на два союза?*

– В одной Москве три союза писателей. Пусть делятся.

«Апрель» к нам хочет перейти, а мы еще думаем, стоит ли брать.

– *Почему у вас такие разногласия с Евтушенко?*

– Он стариков выгнал из Союза писателей, долго его друзья ездили на деньги фонда союза, а деньги кончились – и разбежались. Бродского рядом с Пушкиным поставили, смешно. Бродский скорее политическая фигура. Разве можно внушать, что Бродский равен Пушкину?

– *Что бы вы взяли из Белова в школьные программы?*

– Трудно сказать, не берусь. Рассказ «Скворцы» есть в программе шестого класса, беспомощный, наивный, а повестей моих в программе нет.

– *Вам нравится, как сняты фильмы по вашим книгам?*

– В кинофильме «По 206—й» с ужасом услышал не мои фразы. И слов таких в моем лексиконе нет. Оказывается, авторы фильма имели право добавлять в текст слова от себя. Не нравится и экранизация романа «Все впереди». Сколько говорил: или снимайте точно по сценарию, или уберите мою фамилию. Не послушались. Голых девчонок наснимали. Этот кинофильм терпеть не могу. К кино вообще отношусь как к развлечению. Я и Шукшину сколько раз говорил: брось ты кино, это суррогат искусства. И в его «Калине красной» мне не все нравится.

– *Василий Иванович, в чем причина вашего конфликта с Виктором Астафьевым?*

– Вы и сами должны понимать. Не могу его читать, вульгарщина в последнее время. Как он поцеловался с Ельциным, так его собрание сочинений и издали.

– *Вы всегда такой бескомпромиссный?*

– Я только и делаю, что иду на компромиссы, иначе бы так дрался, что меня милиция каждый день бы забирала.

– *Чувствуете ли вы себя свободным как писатель?*

– Все осталось по – старому, только не сажают. Свободы и не может быть. Писать можно что хочешь, но не печатают. В Вологде десять лет мои книжки не издавали. Вот недавно вышла, тираж всего пять тысяч, только на Вологду и хватило.

– *А раньше вам разве не легче было писать и издаваться?*

– Почитайте, что я писал при коммунистах... Раньше ничего нельзя было писать о православии. Ленинградские ребята, Леонид Бородин в том числе, создали союз христианской молодежи, всех и посадили, да на полную катушку срок дали – по 12—15 лет. Я рукопись своего «Лада» даже закапывал тогда.

– *Вас хорошо знают как писателя и гораздо меньше как драматурга. Что с вашими пьесами?*

– Всего их шесть. Четыре поставлены. Одна в 32 театрах несколько сезонов шла, вторая – в восьмидесяти. Сейчас во МХАТе идут «Семейные праздники», там есть и о событиях в Москве в октябре 93—го. Приезжали на премьеру Руцкой и Зюганов. Руцкой обиделся на то, как он выглядит

в пьесе, но виду не подал. Зюганов тоже вроде бы обиделся.

– Если уж зашла об этом речь, кто из нынешних политиков в России вам по сердцу?

– Никто. Хотя – Сергей Бабурин. И то – более – менее.

– А к Зюганову как вы относитесь?

– Нормально. Но вот с тактикой его я не согласен: люди и страна гибнут, а он все ищет пути легитимного вхождения во власть.

– Вы бывали в горячих точках. Что вас туда тянет?

– Не могу смотреть на несправедливость. В Приднестровье был в 1992 году, хотел с Лебедем встретиться – он уклонился. В Сербии был два раза. Радован Караджич даже предлагал остаться. Там настоящее православие. Сербию распяли, как Христа.

– Вы и в октябрьских событиях в Москве участвовали...

– Все видел своими глазами, и лужи крови на площади у Останкинской телебашни. Меня лавочники тогда чуть не застрелили.

– А с Солженицыным приходилось встречаться?

– После того как он поддержал расстрел Верховного Совета, я написал ему во Францию письмо. Не ответил. Недавно встретились, но разговора не получилось. Стыдно ему.

– Вас называют писателем – «деревенщиком», не обижаетесь?

– А мы с Распутиным этот термин сделали хорошим.

– Василий Иванович, вы писатель крестьянского корня, скажите, что делать с землей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.